

Александр Восьмой

Эхо Малибура

Александр Восьмой
Эхо Малибура

«Автор»

2026

Восьмой А.

Эхо Малибура / А. Восьмой — «Автор», 2026

В эпичной сказке аниме «Эхо Малибура» над континентом нависла смертельная угроза: тёмный владыка Сарборгот в недрах горы Амодеус куёт Железную Орду — армию из янтаря и металла, питаемую проклятой магией. Багровые тучи отравляют землю, сея страх и гибель, а орды бездушных воинов готовятся обрушиться на города людей. Но в час, когда надежда почти угасла, в путь отправляются трое героев — Эдан, Мираэль и Кэл. Их ждёт путь сквозь ядовитый туман, схватки с элитными отрядами, битва у Трона из янтаря, разлом горы и решающее столкновение с самой тьмой. В вихре аниме экшена, где каждый удар высекает искры магии, а судьба континента висит на волоске, героям предстоит не просто победить врага, а найти способ спасти мир, не разрушив его до основания. Смогут ли они заглушить эхо тьмы — или оно однажды зазвучит вновь?

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Эхо Малибура

Глава 1. «Шёпот горы Амодеус»

Гора Амодеус стояла, как окаменевший исполин, пронзающий небеса острыми пиками. Её склоны были изрезаны трещинами, похожими на шрамы от древних битв, а в глубине, там, куда не добирался ни один луч солнца, пульсировала чужая, тяжёлая сила. Воздух в этих пещерах был густым, словно застывающий мёд, и каждый вдох отдавался в груди холодом, будто сама гора шептала: «Ты здесь чужой».

В самом сердце Амодеуса, в зале, чьи стены были выточены из чёрного базальта и покрыты прожилками янтаря, горел огонь, которого не должно было существовать. Он не был похож на обычное пламя — его языки извивались, как живые змеи, отливая багровым и тёмно-фиолетовым, и не давали тепла, а, наоборот, высасывали его из всего вокруг. Над этим огнём, склонившись, стоял Сарборгот.

Его плащ из тёмной ткани сливался с тенями, а лицо оставалось наполовину скрытым в полумраке — лишь глаза, холодные и яркие, как осколки льда, сверкали в свете магического пламени. В руках он держал длинный стержень из неизвестного металла, которым медленно помешивал расплавленную смесь янтаря и руды. Вещество в котле бурлило, издавая низкий, вибрирующий звук, будто тысячи голосов шептали на забытом языке.

— Да... — прошептал Сарборгот, и его голос, низкий и тяжёлый, отозвался эхом в стенах пещеры. — Пусть каждый из них будет не просто куском металла. Пусть в них будет ярость, что не угаснет. Пусть они станут продолжением моей воли.

С этими словами он сделал резкое движение, и расплавленная масса хлынула в формы, расставленные рядами по залу. Формы были отлиты в виде воинов — массивных, с широкими плечами и вытянутыми мечами, застывшими в угрожающем взмахе. Как только янтарно-металлическая смесь коснулась холодных стенок, раздался резкий треск, похожий на раскат грома в замкнутом пространстве.

Из форм повалил густой дым, окрашенный в багровые и чёрные оттенки, и в этом дыму начали проступать очертания. Сначала — просто силуэты, затем — детали: тяжёлые наплечники, клинки с зазубренными краями, маски, скрывающие лица. И наконец — глаза. Они загорались не огнём, а внутренним светом, тусклым и зловещим, словно в них отражалась сама тьма горы.

Первый воин поднялся, его движения были резкими, дёрганными, как у марионетки, которой только что натянули нити. Он сделал шаг, и пол под ним отозвался глухим стуком. Ещё шаг — и он уже стоял ровно, уверенно, будто всю жизнь только и ждал этого момента. Сарборгот наблюдал за ним, не моргая.

— Ты — первый, — произнёс он, и в его голосе не было ни гордости, ни радости, только холодная решимость. — Ты — начало Железной Орды.

Воин склонил голову, будто понял приказ без слов, и встал в строй рядом с другими, которые только начинали подниматься из своих форм. Зал наполнялся звуком металла о металл, скрипом суставов и тихим гулом, который нарастал с каждой секундой, превращаясь в подобие боевого ритма.

Но среди этого шума был и другой звук — едва уловимый, словно кто-то тихо плакал где-то далеко. Сарборгот замер, его пальцы сжались в кулаки, а в глазах на мгновение вспыхнуло что-то, похожее на боль. Это воспоминание пришло непрошеным гостем, разрывая завесу холодной решимости.

Он увидел себя другим — молодым, полным надежд, стоящим на залитой солнцем площади в столице Малибура. Рядом с ним был тот, кого он называл братом, и они клялись защи-

щать свой народ, стоять плечом к плечу перед любой угрозой. Но клятвы оказались хрупкими, как стекло. Предательство пришло не с мечом, а с улыбкой и тихими словами, сказанными на ухо королю. Его обвинили в том, чего он не делал, назвали угрозой, которую нужно устранить. И когда он понял, что даже тот, кого он считал братом, отвернулся от него, в его душе что-то сломалось.

— Вы предали меня, — прошептал он, и теперь в его голосе звучала не боль, а ледяная ярость. — Вы называли тьмой то, что было лишь тенью от вашего собственного страха. Но теперь... теперь я покажу вам, что такое настоящая тьма.

Он поднял руку, и багровое пламя в центре зала взметнулось вверх, почти касаясь потолка. Энергия, собранная в этом месте за столетия, откликнулась на его зов. Стены пещеры задрожали, и из трещин в камне начали сочиться тонкие нити тёмной магии, сплетаясь в вихрь вокруг Сарборгота.

— Пусть небо над Малибуром почернеет, — произнёс он, и слова его звучали как заклинание. — Пусть земля под их ногами станет проклятой. Пусть каждый вздох напоминает им о том, что возмездие пришло.

И в тот же миг где-то высоко, над вершиной горы, начали собираться тучи. Они не были похожи на обычные облака — тяжёлые, плотные, они несли в себе не дождь, а нечто иное, ядовитое и разрушительное. Их цвет был багровым, как запекшаяся кровь, и когда они закрыли солнце, даже в самых дальних уголках Малибура стало темнее, чем в самую глубокую ночь.

Сарборгот опустил руку, и вихрь магии рассеялся, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и горечи. Он посмотрел на ряды воинов, которые теперь стояли неподвижно, ожидая приказа. Их было ещё немного, но это было только начало.

— Мы пойдём на Малибур, — сказал он, и его голос прозвучал как приговор. — И когда мы ступим на их земли, они поймут, что значит бросить вызов тому, кого они сами превратили в чудовище.

Зал снова наполнился тишиной, нарушаемой только редким потрескиванием остывающего металла и шёпотом горы, которая, казалось, смеялась вместе со своим новым хозяином. Сарборгот повернулся и направился к выходу из зала, его шаги отдавались гулким эхом, словно отсчитывая секунды до начала войны.

Первая искра будущего пламени была зажжена. И теперь ничто не могло её погасить.

Глава 2. «Рождение первого легиона»

Зал кузницы в сердце горы Амодеус больше не был просто пещерой — он стал утробой, рождающей сталь и ярость. Сотня форм, расставленных ровными рядами, источали густой багровый пар, который клубился под сводами, словно дыхание самого камня. С каждым мгновением этот пар становился плотнее, гуще, будто впитывал в себя саму тьму горы, чтобы отдать её в металл.

Сарборгот стоял в центре, неподвижный, как статуя из чёрного обсидиана. Его плащ развевался от потоков горячего воздуха, хотя в зале не было ветра — только магия, живая и злая, пульсировала в ритме, который слышал лишь он. В его руке тускло мерцал жезл из тёмного металла, усыпанный янтарными прожилками: он служил не оружием, а ключом — тем, что связывал его волю с каждым воином, отлитым в этих формах.

— Сейчас, — прошептал он, и слово это прозвучало не как приказ, а как заклинание. — Сейчас вы станете чем-то большим, чем просто сплав. Вы станете моей рукой. Моей мезтью.

Он резко взмахнул жезлом, и по залу прокатилась волна энергии — не яркая вспышка, а тяжёлый, давящий импульс, от которого даже камень застонал. Формы начали трескаться изнутри. Янтарь вспыхнул изнутри, как угли, а металл запел — низким, вибрирующим звуком, похожим на боевой рокот.

Один за другим воины вырывались из своих оков. Первые движения были неуклюжими: суставы щёлкали, ноги скользили по мокрому от конденсата камню, мечи задевали друг друга с визгом, от которого закладывало уши. Но с каждым ударом сердца их движения становились всё точнее, всё слаженнее. Это было не обучение — это было пробуждение.

Их глаза загорались. Не огнём, не светом — а чем-то иным, глубоким и холодным, как отблеск бездны. Багровые зрачки пульсировали в такт ударам сердца Сарборгота, словно между ними протянулась невидимая нить. И когда последний воин встал в строй, сотня фигур замерла, образуя идеальный квадрат — не армия, а единый организм, дышащий в унисон.

Но Сарборгот не собирался довольствоваться тишиной. Ему нужно было знать, на что они способны.

— Испытание, — произнёс он, и его голос, усиленный магией, разнёсся по залу, как удар грома. — Пусть пещера сама проверит их.

Из трещин в стенах, из глубин, куда не проникал даже багровый свет, начали подниматься порождения камня — големы. Они не были изящны: грубые, массивные фигуры из серого базальта, с руками, похожими на молоты, и глазами, горящими тусклым оранжевым светом. Их движения были медленными, но сокрушительными — один удар такого существа мог раздробить скалу.

Первый голем шагнул вперёд, и пол под ним треснул. За ним — второй, третий... Десять чудовищ, рождённых самой горой, встали напротив сотни воинов Железной Орды.

— Вперёд, — коротко бросил Сарборгот.

И легион двинулся.

Это было не просто столкновение — это был вихрь. Металл врезался в камень, высекая искры, которые вспыхивали и тут же гасли в густом паре. Воины действовали не как отдельные бойцы, а как единое целое: один делал выпад, другой прикрывал, третий обходил с фланга — их движения были синхронны, будто они делили один разум.

Големы отвечали мощными ударами. Один из них взмахнул каменной рукой, целясь в центр строя. Но прежде чем кулак коснулся металла, три воина одновременно бросились вперёд: один принял удар на щит, двое других вонзили клинки в сочленения голема. Камень треснул, посыпались осколки, и чудовище рухнуло, разлетевшись на куски.

Ещё один голем попытался раздавить отряд, прыгнув сверху. Но воины не отступили — они встретили его в воздухе: клинки вонзились в грудь каменного исполина, а янтарные прожилки на лезвиях вспыхнули, словно впитывая его силу. Голем замер, а затем рассыпался, оставив после себя лишь грудку обломков и облако пыли.

Сарборгот наблюдал, не вмешиваясь. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах разгорался холодный огонь удовлетворения. Он видел, как его творение адаптируется: воины учились на ходу, их реакции становились быстрее, движения — точнее. Они не просто выполняли приказы — они понимали их.

Последний голем, огромный, почти вдвое выше остальных, сделал шаг вперёд, его каменные кулаки сжимались и разжимались с хрустом. Он не спешил — в его движениях чувствовалась древняя, тяжёлая сила, накопленная веками в толще горы.

Воины расступились, образуя полукруг. Голем рванулся вперёд, и в тот момент, когда его рука должна была врезаться в строй, они одновременно сделали шаг в сторону, а затем сомкнули ряды за его спиной. Каменный исполин замер, будто почувствовав ловушку.

И тогда они ударили.

Не хаотично, не вслепую — а в унисон, как единый клинок. Клинки вонзились в слабые места: в сочленения, в трещины, в глаза, где пульсировал тусклый свет. Янтарь на лезвиях вспыхнул ослепительным багровым светом, и голем взорвался изнутри — не от силы удара, а от магии, которая проникла в его сердцевину и разорвала его на части.

Осколки разлетелись во все стороны, но ни один не коснулся воинов — они уже стояли в строю, неподвижные, готовые к новому приказу.

Тишина опустилась на зал, тяжёлая и звенящая. Только эхо последнего удара ещё гуляло по пещерам, постепенно затихая. Сарборгот медленно подошёл к своим воинам, его шаги отдавались гулким эхом. Он остановился перед первым рядом и посмотрел на них — не как на инструменты, а как на продолжение своей воли.

— Вы прошли испытание, — произнёс он, и в его голосе впервые за долгое время прозвучало что-то похожее на гордость. — Вы — не просто металл и янтарь. Вы — моя армия. Моя месть.

Он поднял жезл, и багровый свет вспыхнул ярче, окутывая легион мерцающим ореолом.

— Скоро мы выйдем из этой горы, — продолжил он, и каждое слово звучало как приговор. — Скоро Малибур узнает, что значит бросить вызов тому, кого они считали мёртвым.

Воины не ответили — им не нужно было слов. Их глаза, горящие багровым огнём, говорили сами за себя.

А где-то высоко над горой Амодеус багровые тучи стучались, закрывая солнце. Ветер, несущий яд, уже касался границ континента, и первые листья на деревьях Малибура начинали чернеть, опадая, как предвестники грядущей бури.

Легион был готов. Война была неизбежна.

Глава 3. «Клятва багровых туч»

Вершина горы Амодеус была не просто пиком — это был алтарь, вознесённый к небесам, где воздух становился тоньше, а мысли — тяжелее. Здесь, на краю мира, Сарборгот стоял, словно высеченный из самой скалы: неподвижный, холодный, слившийся с ветром, который уже нёс в себе первые ноты грядущей катастрофы. Его плащ, тяжёлый от впитанной магии, развевался, будто крылья хищной птицы, готовой обрушиться на добычу.

Небо над ним ещё хранило остатки дневного света — бледно-голубую вуаль, которую вот-вот разорвёт тьма. Но Сарборгот не собирался ждать. Он поднял руки, и жезл из тёмного металла в его ладони вспыхнул багровым светом, пульсируя в такт ударам его сердца.

— Пусть небо услышит мою клятву, — произнёс он, и голос его, усиленный магией, разнёсся над склонами, заставляя камни вибрировать. — Пусть эти тучи станут моим знаменем. Пусть каждый их вздох будет проклятием для тех, кто предал меня.

Он сделал резкий жест, будто разрывая ткань неба, и в тот же миг пространство вокруг него исказилось. Воздух загустел, стал вязким, как смола, и начал скручиваться в спирали, втягивая в себя тени, холод и саму суть горы. Из этих вихрей, словно из ран мироздания, начали рождаться тучи — не обычные облака, а чудовища из пара и тьмы, окрашенные в оттенки запекшейся крови.

Багровые тучи вздымались всё выше, поглощая остатки света. Они не плыли по небу — они *надвигались*, тяжёлые, плотные, наполненные ядом, который был осязаем, почти реален. С каждым мгновением небо над Малибуром темнело, пока не стало похоже на полотно, залитое чернилами, сквозь которые едва пробивался тусклый свет умирающего солнца.

Первые капли упали, когда тьма окончательно победила свет. Но это был не дождь — это была отравы. Капли, тяжёлые и вязкие, падали на землю с тихим шипением, словно разъедая всё, к чему прикасались. Там, где они касались травы, зелень мгновенно чернела, скручивалась и рассыпалась в прах. Деревья стонали, их кора трескалась, обнажая сухую, мёртвую сердцевину.

На равнинах Малибура животные первыми почувствовали беду. Стада оленей, обычно спокойные и неторопливые, вдруг сорвались с места, мчась без оглядки, их глаза были расширены от первобытного ужаса. Птицы, кружившие в небе, падали, не долетев до земли — их крылья тяжелели, перья темнели и осыпались, как сгоревшая бумага. Даже насекомые, каза-

лось, замерли на мгновение, прежде чем исчезнуть, раствориться в воздухе, словно их никогда и не было.

Реки, прежде чистые и прозрачные, начали мутнеть. Вода становилась густой, маслянистой, и на её поверхности появлялись тёмные разводы, похожие на кровь. Рыба всплывала брюхом вверх, её чешуя покрывалась странными узорами, будто кто-то выжег на ней проклятия. Берега, ещё вчера зелёные и живые, теперь выглядели так, словно время ускорило свой бег: трава выцветала, цветы увядали за считанные минуты, а корни, обнажившиеся из-за оседающей почвы, напоминали скрюченные пальцы, вцепившиеся в землю в последней попытке удержаться.

В деревнях люди замирали, чувствуя, как сама земля под их ногами становится чужой. Дети, игравшие на улицах, вдруг замолкали, прислушиваясь к странному звуку — не ветру, не грому, а чему-то более глубокому, будто сама планета стонала от боли. Старики, помнившие древние легенды, шептали слова, давно забытые, но внезапно ставшие актуальными: «Тьма пришла. Она не просто покрывает небо — она проникает внутрь».

А на вершине Амодеуса Сарборгот наблюдал за этим, и его лицо оставалось бесстрастным. В его глазах не было ни радости, ни злорадства — только холодная решимость. Он видел, как его магия пожирает континент, и это было лишь началом.

— Вы хотели забыть меня, — прошептал он, обращаясь к невидимым врагам, разбросанным по всему Малибуру. — Вы хотели стереть моё имя из памяти. Но теперь каждый вдох на этой земле будет напоминать вам обо мне. Каждая капля этого дождя будет шептать моё имя. Каждый увядший лист будет нести моё проклятие.

Тучи над ним продолжали сгущаться, их багровые края мерцали, словно раскалённый металл. Ветер, несущий яд, усиливался, и его порывы уже достигали самых дальних уголков континента, касаясь крыш домов, проникая в щели, заползая в лёгкие.

Сарборгот опустил руки, и вихрь магии вокруг него начал стихать, но тучи остались — тяжёлые, зловещие, готовые обрушиться на Малибур всю свою ярость. Он повернулся, чтобы спуститься обратно в глубины горы, туда, где его ждала Железная Орда, готовая к маршу.

— Скоро, — тихо произнёс он, и эти слова прозвучали как обещание, от которого кровь стыла в жилах. — Скоро мы спустимся с гор, и Малибур узнает, что значит столкнуться с настоящей бурей.

И когда он исчез в тени склона, багровые тучи над континентом сомкнулись окончательно, погружая его в полумрак, где даже тени казались живыми и враждебными. Цветущий край умирал — и делал это красиво, эпично, как в древних легендах о конце света. Но это был не конец. Это было только начало.

Глава 4. «Вестники беды»

Малибур ещё хранил следы былого величия: золотые шпили дворцов, зелёные поля, звонкие ручьи, бегущие с холмов. Но теперь в этом спокойствии сквозила тревога — тонкая, как трещина в стекле, но с каждым днём становившаяся всё заметнее. Воздух стал тяжелее, сны — глубже и страшнее, а тени по углам будто научились шевелиться.

В деревнях крестьяне шептались о ночных видениях. Старик Илар из села Ветренный Край клялся, что видел во сне гору, которая плакала кровью, а по её склонам ползли фигуры из янтаря и стали. Молодая пастушка Лира рассказывала, что ей снилось, будто небо падает на землю, и каждый его осколок — это клинок, летящий прямо в сердце. Люди слушали и отводили глаза, стараясь улыбаться, но пальцы их невольно сжимались в кулаки, а в груди холодело от предчувствия.

На границах, где леса становились реже, а скалы подступали вплотную к тропам, стражники замечали нечто странное. Тени двигались не вслед за солнцем, а сами по себе — скользили между деревьями, обходили костры, растворялись в сумерках, стоило лишь моргнуть.

Капитан гарнизона на перевале Каменного Зуба, суровый и немногословный Торн, докладывал: «Они не люди. Они не звери. Они... не из нашего мира». Его слова передавались из уст в уста, обрастая слухами, но в глубине души каждый понимал: это не выдумки.

А в столице, в Зале Совета, где мраморные колонны помнили голоса королей и магов, собрались те, кто должен был защитить Малибур. Здесь были представители всех земель: гордые рыцари с севера, мудрые маги с востока, купцы с юга, чьи корабли бороздили все моря, и старейшины с запада, знавшие древние песни земли. В центре зала висела огромная карта континента, и сейчас на ней, казалось, сама ткань мира дрожала от напряжения.

— Потоки энергии искажаются, — произнёс архимаг Элиан, его голос звучал спокойно, но в глазах читалась тревога. — Я чувствую, как магия уходит из земли, словно её выпивают. Это не обычное колебание. Это... вторжение.

— Мы получаем донесения с границ, — добавил капитан Торн, стоя у края карты, его доспехи тихо позвякивали при каждом движении. — Тени. Странные следы. Металл, которого не бывает в природе. И сны. Все видят сны.

Королева Лирианна, молодая, но с взглядом, привыкшим к тяжести короны, слушала, не перебивая. Её пальцы едва заметно постукивали по подлокотнику трона — единственный признак того, что она тоже чувствует эту нарастающую бурю.

— Что вы предлагаете? — спросила она, и в зале наступила тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием факелов.

— Усилить гарнизоны, — ответил Торн. — Отправить разведчиков к горе Амодеус. И быть готовыми к худшему.

Маги закивали, рыцари сжимали рукояти мечей, даже купцы, обычно равнодушные к битвам, выглядели встревоженными. Но никто не мог представить, насколько близко уже стояла беда.

А тем временем на самой окраине, у перевала Каменного Зуба, где скалы сжимали тропу в узкий коридор, стояла пограничная застава — несколько башен, частокол и горстка людей, привыкших к тишине гор и вою ветра. Здесь, среди камней и холода, стражники несли свою службу, не зная, что именно им суждено стать первыми, кто встретит Железную Орду.

Ночь опустилась на перевал, тяжёлая и густая, словно пропитанная предчувствием. Багровые тучи, висевшие над горами, не давали звёздам пробиться сквозь свою пелену, и даже луна казалась тусклой, как угасающий уголёк. Стражники на стенах переговаривались шёпотом, стараясь не нарушать эту зловещую тишину.

И вдруг тишина треснула.

Сначала это был едва уловимый звук — низкий, вибрирующий, похожий на отдалённый раскат грома, но без грозы. Затем земля под ногами дрогнула, и камни, лежавшие веками неподвижно, тихо зазвенели, отзываясь на этот ритм.

— Что это? — прошептал молодой стражник Кел, его пальцы судорожно сжимали древко копья.

— Не знаю, — ответил ветеран Гарн, его лицо было мрачным. — Но мне это не нравится. Из темноты, из-за поворота тропы, появились они.

Не люди. Не звери. Воины из янтаря и металла, их доспехи отливали багровым светом, словно впитавшим цвет туч. Глаза горели тусклым, зловещим огнём, а движения были резкими, механическими, но при этом пугающе слаженными. Они шли не толпой — они шли строем, как единый организм, и каждый их шаг отдавался в груди стражников ледяным ужасом.

Авангард Железной Орды.

— Тревога! — крикнул Гарн, и его голос, обычно спокойный и уверенный, дрогнул. — К оружию!

Но времени на подготовку не было. Воины Железной Орды рванулись вперёд, их мечи, тяжёлые и острые, рассекали воздух с визгом, от которого кровь стыла в жилах. Первый ряд стражников встретил их копьями, но металл столкнулся с металлом, и копья сломались, как сухие ветки. Янтарные воины не чувствовали боли, не знали страха — они были созданы для одной цели: уничтожить.

Кел взмахнул мечом, целясь в грудь ближайшего врага. Клинок ударил по доспеху и отскочил, высекая искры, но не оставив даже царапины. Воин из Железной Орды даже не замедлился — он сделал шаг вперёд и взмахнул своим мечом. Кел едва успел отпрыгнуть, но край лезвия всё же зацепил его плечо, и тёплая кровь потекла по руке, смешиваясь с холодным потом ужаса.

На стенах башни лучники натягивали тетивы, стрелы свистели в воздухе, вонзаясь в фигуры врагов. Но стрелы отскакивали от янтарных пластин, словно ударяясь о камень, или ломались, не причиняя вреда. Один из воинов поднял руку, и из его ладони вырвался сгусток тёмной энергии — не пламя, а нечто более зловещее, похожее на сгусток тени. Он ударил в башню, и камень треснул, осыпаясь градом осколков.

Гарн, видя, что обычная тактика не работает, закричал:

— К центру! Держим строй! Не давайте им прорваться!

Стражники отступили, образуя плотный круг, их щиты сомкнулись, создавая стену из дерева и стали. Но воины Железной Орды не собирались пробиваться силой — они действовали как единый механизм. Одни отвлекали, другие искали слабые места, третьи наносили удары, точные и смертоносные.

Один из янтарных воинов прыгнул на стену, его движения были неестественно быстрыми, почти размытыми. Он приземлился среди лучников, его меч описал дугу, и двое стражников упали, не успев даже вскрикнуть. Остальные отступили, их лица были бледны, глаза расширены от ужаса — они впервые столкнулись с врагом, который не знал усталости, не чувствовал боли и не знал пощады.

Битва превратилась в хаос. Крики, звон металла, треск дерева, вспышки тёмной магии — всё смешалось в единый вихрь смерти. Стражники сражались храбро, но их было слишком мало, а враг был слишком силён. Каждый удар янтарного воина был смертоносным, каждое движение — выверенным до миллиметра.

Гарн, понимая, что застава обречена, схватил молодого Кела за плечо и крикнул:

— Беги! Найди капитана Торна! Скажи ему, что они здесь! Скажи, что это не просто тени!

Кел колебался лишь мгновение, затем кивнул и бросился прочь, пробираясь сквозь дым и хаос битвы. Гарн остался, подняв свой меч, готовый встретить свою судьбу лицом к лицу.

— За Малибур! — крикнул он, и его голос прозвучал как клятва.

Он бросился на ближайшего воина, его клинок сверкнул в тусклом свете багровых туч. Удар, ещё удар — но враг был быстрее. Меч Гарна скользнул по доспеху, не оставив следа, а ответный удар был молниеносным. Гарн почувствовал холод стали и тепло своей крови, прежде чем мир вокруг него потемнел.

Застава пала.

Когда последние крики стихли, а дым начал рассеиваться, воины Железной Орды замерли, стоя среди обломков и тел. Их глаза, горящие багровым светом, смотрели вперёд, туда, где лежал путь к сердцу Малибура. Они не праздновали победу — им не нужно было праздновать. Они просто ждали следующего приказа.

В столице, в Зале Совета, королева Лирианна всё ещё сидела на троне, её пальцы крепко сжимали подлокотники. Донесение, принесённое измученным и окровавленным Келом, лежало перед ней, словно приговор.

— Авангард Железной Орды атаковал заставу на перевале Каменного Зуба, — прошептал Кел, его голос дрожал от усталости и ужаса. — Они... они не люди. Их нельзя остановить обычными мечами. Они... они пришли за нами.

Тишина в зале была тяжелее любого крика. Маги переглянулись, рыцари сжали кулаки, купцы побледнели. Королева подняла голову, её взгляд был твёрдым, несмотря на боль, которую она чувствовала в сердце.

— Поднять все гарнизоны, — приказала она, и её голос прозвучал громко и чётко, словно удар колокола. — Объявить общую мобилизацию. Пусть каждый, кто может держать оружие, встанет на защиту Малибура. Мы не позволим тьме поглотить наш дом.

Архимаг Элиан кивнул, его глаза светились решимостью.

— Я соберу всех магов. Мы должны найти способ противостоять этой магии. Капитан Торн встал, его доспехи глухо звякнули.

— Я поведу войска к перевалу. Мы должны остановить их, пока они не продвинулись дальше.

И в этот момент, глядя на карту, где ещё недавно были просто линии и названия, королева поняла: игра закончилась. Началась война.

Багровые тучи над Малибуром сгустились, обещая бурю, которая изменит судьбу континента навсегда. Малибур стоял на пороге катастрофы — и каждый его житель, от последнего крестьянина до самой королевы, чувствовал это в глубине души.

Вестники беды пришли. И теперь оставалось только встретить их лицом к лицу.

Глава 5. «Пламя сопротивления»

Малибур больше не был краем покоя. По дорогам, прежде тихим и пустым, теперь мчались гонцы, их кони хрипели от бешеной скачки, а в воздухе витал запах гари и железа. Города, ещё недавно жившие обычной жизнью, превратились в кузницы войны: в мастерских не гасли огни, мечи и копья звенели под ударами молотов, щиты покрывали слоями закалённой кожи и стальными накладками. На стенах крепостей день и ночь стучали топоры — укрепляли башни, наращивали частоколы, тянули цепи поперёк дорог, чтобы остановить железную лавину, которая, как все теперь знали, неизбежно придёт.

В столице, в зале, где раньше звучали песни и смех, теперь царила суровая тишина, нарушаемая только резкими приказами и шелестом карт. Королева Лирианна стояла у огромного стола, её пальцы скользили по линиям дорог и границ, словно пытаясь нащупать тот единственный путь, который мог спасти континент.

— Мы не можем ждать, пока они ударят снова, — произнесла она, и в её голосе не было ни страха, ни колебаний — только стальная решимость. — Нам нужно ударить первыми. Найти способ остановить Сарборгота, пока его армия не стала непобедимой.

Капитан Торн, чьи доспехи теперь несли следы недавней битвы, кивнул:

— Если мы будем только обороняться, они раздавят нас числом. Но если найдётся отряд, который сможет пробраться к горе Амодеус и нанести удар в самое сердце их замысла...

— Такой отряд уже есть, — раздался спокойный, но твёрдый голос.

У входа в зал стояли трое. Молодой капитан Эдан — высокий, стройный, с глазами, в которых горела не юношеская горячность, а холодная ясность человека, видевшего смерть и не сломавшегося. Рядом с ним — волшебница Мираэль, чьи седые пряди говорили о годах, про-

ведённых над древними книгами, а взгляд был острым, как лезвие. И третий — следопыт Кэл, молчаливый и незаметный, словно тень, но знающий каждую тропу в горах, каждую пещеру и каждый скрытый проход.

— Мы пойдём к Амодеусу, — сказал Эдан, шагнув вперёд. — Мы найдём Сарборгота. И если будет нужно — остановим его любой ценой.

Мираэль слегка наклонила голову, её пальцы едва заметно касались амулета на груди — тонкого серебряного круга с выгравированными рунами:

— Магия Сарборгота искажает потоки силы. Обычные заклинания там будут почти бесполезны. Но у меня есть знания... и кое-что ещё. Мы сможем продержаться достаточно долго, чтобы добраться до него.

Кэл лишь коротко усмехнулся — это была не весёлая улыбка, а усмешка человека, привыкшего к опасности:

— Тропы к Амодеусу охраняются не только стражами. Сама гора теперь дышит тьмой. Но я знаю, как обойти самые очевидные ловушки. Если будем двигаться тихо и быстро — у нас есть шанс.

Королева посмотрела на них, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое — благодарность, смешанная с болью от того, что приходится посылать людей навстречу почти верной гибели.

— Вы — наша последняя надежда, — тихо сказала она. — Пусть пламя вашего мужества не погаснет даже во тьме.

Ночь опустилась на Малибур, тяжёлая и густая, словно пропитанная предчувствием беды. Багровые тучи, висевшие над горами, не давали звёздам пробиться сквозь свою пелену, и даже луна казалась тусклой, как угасающий уголёк. В такой темноте любое движение становилось опасным, но именно она была союзником для тех, кто хотел остаться незамеченным.

Эдан шёл впереди, его меч был обнажён, но не для удара — он служил ему почти как жезл, которым он ощупывал тьму, проверяя, нет ли впереди ловушек. Мираэль держалась чуть позади, её руки были сложены в сложные жесты, а губы шептали слова древнего заклинания, создававшего вокруг них тонкую пелену невидимости — не идеальную, но достаточную, чтобы скрыть их от поверхностного взгляда. Кэл двигался бесшумно, его сапоги едва касались земли, а глаза, привыкшие к темноте, замечали малейшее движение.

Они шли вдоль подножия гор, где скалы нависали над тропой, словно готовые обрушиться в любой момент. Воздух здесь был тяжелее, будто сама земля выдыхала яд, и каждый вдох отдавался в груди горечью.

— Чувствуете? — прошептала Мираэль, её голос был едва слышен. — Магия здесь гуще, чем в любом другом месте. Она словно липкая, цепляется за кожу.

Эдан кивнул, не отрывая взгляда от темноты впереди:

— Значит, мы близко.

И в тот же миг тьма впереди дрогнула.

Из теней выступили фигуры — янтарно-металлические воины Железной Орды, их глаза горели тусклым багровым светом, а мечи были подняты в ожидании приказа. Патруль. Небольшая группа, но достаточно сильная, чтобы уничтожить обычный отряд.

— Тихо, — прошептал Кэл, его рука легла на плечо Эдана, удерживая его от поспешного шага. — Они ещё не видят нас... или не уверены. Если сделаем резкое движение — всё пропало.

Но один из воинов повернул голову, его взгляд скользнул по тому месту, где стояли герои. На мгновение показалось, что он ничего не заметил — и вдруг его рука резко взметнулась, указывая прямо на них.

— Обнаружено, — произнёс он механическим, безжизненным голосом, и эти два слова прозвучали страшнее любого крика.

— В бой! — крикнул Эдан, и его клинок вспыхнул голубым светом — не от магии, а от чистой стали, закалённой в особых печах, способных противостоять тёмным чарам.

Он рванулся вперёд, его движения были стремительными, как вспышка молнии. Первый воин встретил его ударом, тяжёлым и мощным, способным раздробить камень. Но Эдан ушёл в сторону, его меч описал дугу и вонзился в сочленение доспеха, пробивая янтарную пластину. Воин замер на мгновение, его глаза мигнули, словно система внутри него пыталась обработать неожиданный урон, и рухнул на землю, рассыпаясь на осколки янтаря и куски металла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.